



Тайсон Янкапорта Разговоры на песке. Как аборигенное мышление может спасти мир

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67829925

Разговоры на песке. Как аборигенное мышление может спасти мир: Ад

Маргинем Пресс; Москва; 2022

ISBN 978-5-91103-618-8

Аннотация

Тайсон Янкапорта (род. 1973), представитель клана Апалеч, одного из объединений коренного населения Австралии, основал Лабораторию систем аборигенного знания (Indigenous Knowledge Systems Lab) в мельбурнском Университете Дикина. Его книга представляет собой эссе о неустранимых противоречиях рационального и глобального западного мировоззрения, с одной стороны, и традиционной картины мира, в частности той, которой по сей день верны австралийские аборигены, с другой. Как человек, который предпринял переход из мира традиции в мир глобальности, постаравшись не пошатнуть при этом основы мышления, воспринятого им с рождением, Янкапорта предпринимает попытку осмыслить аборигенную традицию как способ взглянуть на глобальность извне.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Дикобраз, палеоразум и Высший Замысел	6
Мальчик-альбинос	34
Первый закон	55
Навеки ограниченный	76
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Тайсон Янкапорта
Разговоры на песке. Как
аборигенное мышление
может спасти мир

Sand Talk: How Indigenous Thinking Can Save the World –

Copyright © Tyson Yunkaporta, 2019

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2022

Дикобраз, палеоразум и Высший Замысел

Иногда я задаюсь вопросом: не впадают ли ехидны в ту же иллюзию, что и люди: не думают ли они, что их вид представляет собой средоточие вселенского разума? Ведь эти животные довольно умны: относительно размеров тела у них самая большая среди млекопитающих префронтальная кора, то есть та часть головного мозга, в которой происходят самые сложные мыслительные процессы. Для принятия важных решений ехидна задействует половину объема своего мозга. У людей этот показатель не дотягивает и до 30 %.

Признавая это, я отдаю дань уважения разумным тотемным существам по всей Австралии, где ехидны следуют по тропам песен о своем сотворении: на этих картах истории знание передается по энергетическим линиям, которые проявляются как Закон в душе и на земле, объединяя их в одно целое, и оплетают собой все традиционные земли Первых народов.

вы можете присоединиться ко мне и тоже выразить уважение людям и другим существам, повсюду хранящим Закон земли:

старшим и традиционным хранителям всех мест, где эта книга пишется и читается;

предкам, старикам из каждого Народа, ныне живущего на этом континенте и на островах;

нашим нечеловеческим родственникам – к ним относятся разнообразные колючие виды по всему миру, дикобразы и ежи, которые роются в земле в поисках муравьев, а когда мы не смотрим, занимаются Бог знает чем.

Не знаю, почему Стивена Хокинга и других так беспокоила вероятность, что с других планет к нам прилетят сверхразумные существа, которые используют свои передовые знания, чтобы сделать с миром то, что уже и так сделала промышленная цивилизация. Существа, обладающие высшим разумом, уже здесь – и они здесь всегда были. Просто они не применяли свой разум для уничтожения чего-либо. Возможно, они пойдут на это, если устанут от невежества одомашненных людей.

Эволюционируя в рамках сложных, связанных с определенной территорией культур, люди постепенно развили мозг, способный осуществлять более ста триллионов нейронных связей – мы используем лишь малую их толику. Большинство из нас было оторвано от родной культуры, став частью глобальной диаспоры беженцев, отрезанных не только от своей земли, но и от подлинного гения, который рождается благодаря симбиотической связи с ней. В аборигенной Австралии наши Старики рассказывают истории, древние предания, которые показывают, *что если ты не двигаешься вместе с землей, то земля подвинет тебя*. Нет ничего постоян-

ного в поселениях и в создающих их цивилизациях. Возможно, ни один мощный телескоп, направленный в небо, не сумел до сих пор обнаружить внеземные цивилизации потому, что эти общества неустойчивы и не существуют достаточно долго для того, чтобы оставить в космосе какой-нибудь след. Обескураживающая мысль.

Быть может, если мы вновь пройдемся по невероятным тропам мышления наших палеолитических предков, то сможем заново обрести способность соображать, чтобы исправить тот бардак, который устроила цивилизация, – пока ехидны не решили выдворить нас и взять роль хранителей планеты на себя.

Истории, определяющие современный образ мысли, описывают вечную борьбу добра со злом, которая начинается с первородного греха. Однако эти категории – лишь метафора чего-то другого, что труднее объяснить: они отражают относительно недавно возникшее требование привнести простоту и порядок в сложность творения – требование, которое произрастает из посконного семени нарциссизма, расцветшего благодаря новому дисбалансу в человеческих обществах.

Есть паттерн¹ вселенной и всего, что в ней присутствует.

¹ Английскому слову *pattern* сложно подобрать столь же многозначный аналог по-русски, это и «модель», и «порядок», и «образец», и «принцип», и «структура», а также «узор», «образ». В русский язык слово «паттерн» начало проникать прежде всего в областях психологии, программирования и дизайна, и везде оно означает какие-либо регулярно по-

ет, а есть системы знания и традиции, которые следуют этой модели, чтобы поддерживать равновесие и не поддаваться соблазну нарциссизма. Однако недавно сложившиеся традиции взламывают, словно вирус, системы творения, заражая сложные паттерны искусственной простотой и устанавливая цивилизующий контроль над тем, что некоторые считают хаосом. Начало этому положили шумеры. Римляне это усовершенствовали, а англосаксы наследовали. Сегодня в этом увяз весь мир.

Вой на между добром и злом на самом деле представляет собой наложение глупости и простоты на мудрость и сложность.

* * *

Набор страниц с обозначениями речевых звуков – запутанный способ коммуникации, особенно если вы хотите передать практический смысл паттерна творения, способного пролить свет на кризисы, с которыми мир сталкивается в настоящее время. Запутанный, а не сложный. Это совсем разные понятия. Если смотреть на мир через призму простоты, то вещи кажутся более запутанными, но, вместе с тем, менее

вторяющиеся элементы (поведения, кода, рисунка и т. д.). Ниже будут использоваться разные варианты перевода этого термина в зависимости от контекста, а также прямая транслитерация «паттерн» там, где без этого не обойтись. – *Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. науч. ред.*

сложными.

Австралийские аборигены – люди устной культуры с высокой степенью взаимозависимости и интенсивными межличностными связями, потому для них запись речевых звуков символами, которые могут прочесть чужаки, запутывает всё еще больше. Дело только усугубляется, когда этих читателей заботят идеи аутентичности и положение автора как представителя культурного меньшинства, утратившего право самостоятельного определения. Кажется, что способность свободно писать на языке оккупационной власти противоречит принадлежности автора сообществу, которое, как предполагается, писать о себе в принципе неспособно. Поэтому для начала придется объяснить, кто я такой и почему я решил это написать.

В моем мире я знаю себя таким, каким меня знает мое сообщество: мальчик из клана апалеч (Apalech) из Западного Кейп-Йорка, говорящий на языке вик-мункан и связанный со многими языковыми группами на этом континенте, в том числе и через усыновление. Некоторые мои узы усыновления неформальны, как, например, те, что возникли в Новом Южном Уэльсе и Западной Австралии, но мое принятие в клан апалеч, состоявшееся два десятилетия назад, соответствует законам аборигенов и потому носит строгий и неотчуждаемый характер. Эти законы не позволяют мне причислять себя к нунгар (Nungar), кури (Koori) или шотландцам по происхождению и требуют, чтобы я принимал исключитель-

но те имена, роли и генеалогии, которые предписаны принадлежностью к клану апалеч. Я это соблюдаю, хотя знаю, что большинство людей относятся к этому без понимания и смотрят на меня, как на идиота: на юге белые говорят мне, что я похож на индийца, аборигена, араба или латиноамериканца, но, когда я стою рядом с моим приемным отцом, у которого очень темная кожа, я выгляжу, как Николь Кидман.

Моя биография – это не история искупления, вряд ли она кого-нибудь может вдохновить, и рассказывать ее мне не нравится.

У меня она вызывает чувство стыда и боль, и я вынужден защищать себя и других людей, оказавшихся в водовороте этой запутанной колониальной истории. Но по каким-то причинам, прежде чем браться за чтение моей работы, люди зачастую выражают настойчивое желание ее узнать, поэтому – вот ее сжатая версия.

Я родился в Мельбурне, но еще младенцем меня перевезли на север, где я рос примерно в десятке разных общин, разбросанных в глуши или сельской местности по всему Квинсленду, от Бенараби до Маунт-Исы. После трудного, а порой и просто ужасающего обучения в школе я вырвался в мир обозленным юношей, а там меня ждал шквал тумачков и культурная дисфория². Соедините вместе худшие

² Культурная дисфория – по аналогии с гендерной дисфорией, тревога, испытываемая из-за несовпадения между своей культурной идентичностью и соци-

фрагменты таких фильмов, как «Когда-то они были воинами», «Конан-варвар» и «Славные парни», и вы получите точное представление о моей тогдашней жизни. Детство мое не было особенно счастливым, но взросление и обретение контроля над своей жизнью не улучшили моего положения, и винить за это я могу только себя.

Когда я нашел мое «племя» на юге и связался с ним, это мало походило на фантазию о возвращении домой, которую я долго лелеял: я почувствовал себя опустошенным и одиноким. Но всё было не так плохо. К этому этапу своего жизненного пути мне посчастливилось собрать множество разрозненных сведений о земле и культуре³. В девяностые годы, в рамках программ поддержки студентов-аборигенов, я работал учителем в школах, где преподавал драматическое искусство и языки, изготавливал свои диджериду, копья и трещотки, танцевал корробори, охотился на кенгуру и разыгрывал экзотику своей культуры, которой учился много лет, словно театральное представление. Но всё это было пустым и бессвязным – какие-то обрывки и показуха, ничего более. Мне ужасно неловко это вспоминать.

Хотя посреди всего этого бардака я умудрялся учиться,

альными ожиданиями, с ней связанными.

³ *Англ.* land-based knowledge – холистические системы знаний коренных народов, связанные с их жизнью на своих традиционных землях: язык и фольклор, социальные отношения и их географические проекции, космология, практические знания и навыки, необходимые для ведения традиционного образа жизни на этой территории.

женился и стал отцом двух чудесных детей, моя жизнь была настолько предопределена паттернами насилия и злоупотреблением наркотическими препаратами, что я был не человеком в полном смысле, а просто набором резких реакций и гнева. На исходе третьего десятка лет я вел жизнь изгоя на севере страны, без семьи и без цели. Я долго жил с ярлыком «частично абориген» или «полукровка», из-за чего надо мной смеялись в учреждениях, где я работал или учился. Меня выводили из себя постоянные вопросы о моей идентичности. «Ты ведь не белый – какой ты национальности? Абориген? Да нет, ты похож на белого. Сколько в тебе аборигенной крови? Ну знаешь, она у нас всех есть. Большинство белых австралийцев могли бы получить сертификат аборигена, если бы у них было семейное древо и они сдали тест на состав крови».

Расистское отношение, с которым я столкнулся на севере, окончательно меня довело. Я пустился во все тяжкие и чуть было не отправился на тот свет. Одной жуткой ночью папа Кенлок и мама Херси застали меня в момент крайней опасности, которую я сам создал, и спасли мне жизнь. Годом ранее они потеряли младшего сына – ему было столько же лет, сколько мне, когда он столкнулся с той же опасностью, – и решили воспитать меня как свое собственное чадо. С тех пор я принадлежу им.

Так я привязался к этой семье, которая стала центром моей жизни. В Кейп-Йорке я прожил дольше, чем где бы то ни

было ранее. Когда я уезжал на разные временные работы на юг, я брал с собой членов семьи, благодаря чему они получали доступ к качественному образованию и услугам, которых не было в их родных краях. Приличной работы там тоже не было, поэтому папа Кенлок сказал мне, чтобы я уехал и использовал свои знания для «борьбы за права и культуру аборигенов».

Периодически я отправлялся работать с группами и общинами аборигенов по всей Австралии, покидая на долгое время своих детей, их мать и всю свою расширенную семью. Я обрел новые знания, но заплатил за них высокую цену. Я должен был много работать и учиться, чтобы содержать детей и членов расширенной семьи, но мне также нужно было жить и расти в моей культуре. Это важные вещи. Никто не может делать то и другое, не нанося ущерба отношениям с самыми важными для себя людьми. Впоследствии это стоило мне брака. Я пропустил много похорон и дней рождения и стал отрицательным примером в своей общине: «Слишком много работы и учебы – нехорошо, смотри, станешь, как братец Тай».

Но то, что я приобрел, было важно для меня. Большую часть этого времени я жил в буше и налаживал тесные связи со старейшинами и хранителями знания по всей Австралии, которые многое рассказали мне о старом Законе – Законе земли. Я работал с языками аборигенов, в школах, экосистемах и исследовательских проектах, занимался резьбой

по дереву, участвовал в деятельности благотворительных обществ и изучал тропы песен.

В своих путешествиях я увидел, что нас заземляют и поддерживают в равновесии не вещи, а то, как мы поступаем. Поэтому я стал искать слова и образы для выражения форм мышления, бытия и действий аборигенов, которые обычно не видны, поскольку оказываются в тени экзотических предметов и ритуалов. Я начал излагать эти идеи на английском языке, чтобы их могли понять другие люди и чтобы наш собственный народ мог их отстаивать; опубликовал несколько работ, попутно получив магистерские и докторские степени. Я стал писать статьи в этом ключе вскоре после того, как переехал в Мельбурн, чтобы пожить и поработать в городе, в котором родился. Меня попросили написать книгу, основанную на статьях, созданных в то время, – вот я за нее и взялся. Я пишу эти строки неподалеку от места своего рождения и попутно пытаюсь приспособиться к городской жизни и разобрать тот бардак, который я устроил в последние пять десятков лет.

Как я уже говорил, это не вдохновляющая история о спасении или преодолении невзгод. Моя жизнь – это не история успеха, а сам я вовсе не образец для подражания, не эксперт или что-то в этом духе. Я по-прежнему пассивный, полный противоречий мальчик, которого ужасает окружающий мир, хотя теперь противовесом выступает спокойствие и благоразумие, которое моя семья с таким трудом во мне воспитала.

Благодаря этому я продолжаю жить – равно как и благодаря сети отношений и культурных связей, обязательств по всему континенту, которые требуют, чтобы я выказывал заботу и уважение к миру. Ну или старался выказывать – у меня не всегда получается. И всё же многие люди проявляют заботу и оберегают меня, несмотря ни на что: когда я в пути, мне везде предоставлены кров, пища и рассказы. Моя женщина, дети и община поддерживают меня, а я поддерживаю их. Я знаю, кто я, где мое место, как меня зовут, и этого вполне достаточно.

Однако когда я нахожусь вдали от своей общины и встречаю людей, которые хотят видеть во мне инородца, то часто не могу решить, как себя назвать. Порой мне приходится использовать слово бама⁴, как того требуют начальники на юге. Я-то знаю, что оно означает просто «мужчина», и произношу его скорее через «п», чем через «б», но это мало кого волнует. Равно как и то, что в моей общине люди называют себя пама, только желая возвестить в преддверии схватки о своей мужественности: Ngay pama! – «Я мужчина!». Не имеет значения и то, что на самом деле я не прошел инициацию, то есть в свои сорок семь всё ещё обладаю знаниями и статусом четырнадцатилетнего подростка. Дóма на том месте, где прежде совершались обряды посвящения, построили бассейн, поэтому они там больше не проводятся. Но если, находясь в Риме, я пытаюсь вести себя как римлянин, то ста-

⁴ Бама – собирательное название аборигенов тропических лесов Квинсленда.

новлюсь бама: из-за этого, когда я кому-то представляюсь, мне не остается ничего, кроме как разбивать свою идентичность на удобочитаемые составляющие.

* * *

Кстати, о Риме. Стоит признать, что в навязывании классификации коренным народам со стороны имперских культур нет ничего нового. Римляне делили галлов на три группы: галлы, носившие тогу (по сути – римляне с усами), галлы с коротко остриженными волосами (полудивилизованные) и длинноволосые галлы (варвары). Хотя большую часть жизни я провел в Австралии на положении длинноволосого галла, теперь я должен оспорить свое право так называться. Если быть до конца откровенным с самим собой, я вынужден признать, что не помню, когда в последний раз ел черепаху в качестве обычной пищи, а не на поминках, в память об ушедших людях и временах. Мои конечности и живот приобрели известную мягкость, а термин «неолиберализм» я использую намного чаще, чем слово *miintin* (черепаха). Про себя я могу подумать: «Ба, да ведь сейчас самый сезон для выкапывания черепаших яиц и ямса – дикие свиньи, которые будут ими лакомиться, наберут жирка. Кстати, пора отправиться и за диким медом». Но я каждый день езжу из своего пригорода на поезде на работу в Мельбурн, потому что мне не хватает терпения и дисциплины, чтобы торчать в какой-нибудь от-

даленной общине на занятиях в рамках программы «Работа за пособие по безработице»⁵, и по выходным охотиться на свиней. Я вынужден признать, что во мне есть что-то от коротко остриженного галла.

Но подумайте вот о чем: с каким галлом стал бы разговаривать римлянин, который обратился бы к Аборигенной мудрости в поиске решений для кризисов цивилизации? Римляне, разумеется, ничего подобного не делали – возможно, именно в этом кроется объяснение причин краха их системы, просуществовавшей всего тысячу лет. Но если бы римлянам всё-таки пришло такое в голову, какие галлы предложили бы им необходимые решения? Длинноволосые могли бы показать им, как вечно пасти лошадиные стада на сочных лугах, но им были неведомы потребности империи – зерновой паек и земельные наделы для ветеранов, – поэтому их советы показались бы римлянам интересными, но неприемлемыми. Об истинной природе откупной системы сбора налогов в провинции было бы разумнее всего расспросить галлов, облаченных в тоги (хотя, вполне вероятно, их для начала пришлось бы подвергнуть пыткам), но они получали столько выгод от подавления своей собственной культуры, что вряд ли смогли бы что-то рассказать римлянам о решениях, предлагаемых Аборигенным знанием.

⁵ *Англ.* Work-for-the-dole programme – программа австралийского правительства, участники которой получают навыки, помогающие им найти новую работу. – *Примеч. пер.*

В свою очередь, коротковолосые галлы обладали пусть и фрагментарными, но достаточными представлениями об Аборигенном знании и были в достаточной степени подвержены переходным тяготам романизации, чтобы сформулировать некие гибридные идеи, новаторские советы, которыегодились бы обреченной империи, захватившей их земли, сердца и души.

Разумеется, упрощенные категории, которые ранжируют завоеванные народы в зависимости от степени их ассимиляции, не отражают сложных реалий современных аборигенных общин, их идентичности и знаний. В Австралии они точно неприменимы.

Большинство критериев аутентификации и распознавания, которыми оперируют колонизаторы, неприложимы к сложной истории Первых народов Австралии. Аборигенное «я», сконструированное пришельцами для безопасного внедрения программ самоопределения⁶, имеет мало общего с нашей реальностью. Даже разделение на отдельные «нации» (с целью проведения переговоров об аборигенных правах на землю, открывающих доступ к добыче полезных ископаемых) не отражает всю сложность наших идентичностей и знаний. Когда-то мы говорили на множестве языков, разделяли принадлежность к разным группам, включая группы

⁶ Программы самоопределения – комплексы мер, предпринимаемых правительствами штатов Австралии для возвращения аборигенам возможности жить по своим традиционным нормам.

из Азии и Новой Гвинеи, и регулярно контактировали друг с другом, следуя племенным обычаям торгового обмена, заключения браков и усыновления. Я знаю, что многие чтут сохранившиеся установления, и я сам – один из таких людей.

Но я также знаю, что кошмарный процесс европейской оккупации оторвал значительную часть моих соплеменников от родных общин и забросил в резервации и учреждения, организованные в рамках программ принудительной ассимиляции. Была предпринята масштабная попытка осуществить биологический геноцид посредством «изведения» темной кожи; печально известные Украденные поколения⁷ – лишь часть этой политики. Вынужденный брак многих женщин, надеющихся, что их дети смогут сойти за белых, и подчинение мужчинам-поселенцам стали для них единственным способом пережить этот апокалипсис и дождаться более спокойных времен, когда они смогут вернуться домой.

Поэтому так трудно смириться с недавно введенным положением об «аутентичности», которое требует от нас заявлять о непрерывной культурной традиции с незапамятных времен, тогда как почти каждый из нас – будучи на самом деле связанным со многими группами – пережил болезненный разрыв этих связей. Для многих людей демонстрация этих

⁷ Дети австралийских аборигенов и жителей островов Торресова пролива, которых федеральное правительство и власти штатов Австралии в период 1910–1970-х годов изымали из семей и помещали в приемные семьи. По некоторым оценкам, общее число изъятых детей могло достигать 25 000 человек. – *Примеч. пер.*

травматических отношений небезопасна, для других восстановленные связи еще слишком хрупки, чтобы о них говорить в открытую.

Как можно распознать и использовать различные элементы Аборигенного знания, вкрапленные в этот калейдоскоп идентичностей? Уж точно не посредством упрощенной классификации. Когда смотришь через линзу упрощения, исторические взаимосвязи и контекст драматических событий отходят на второй план, а подлинность Аборигенного знания и идентичности определяется через иллюзию местной изоляции, как очередной фрагмент примитивной экзотики, который можно изучить и, наклеив на него ярлык, выставить на всеобщее обозрение. По обе стороны находятся ревностные контролеры, которые надзирают и подавляют. Знания, результирующие этот процесс, по большей части сводятся к базовому содержанию, к артефактам, ресурсам и данным, распределенным по чуждым категориям, которые можно хранить и, в случае необходимости, присваивать. Наши знания признаются ценными, только если превращаются в окаменелость, в то время как наша живая традиция и наши формы мышления вызывают неприязнь и скепсис.

Я не могу участвовать в этом одностороннем диалоге между оккупантами и оккупированными – хотя бы потому, что я не **manth thaayan**, то есть не тот, кто может выступать как носитель культурного знания. Я – младший брат, и наши обычаи не позволяют мне этого. Я могу говорить изнутри

знания, но не от его лица, и не могу раскрывать все подробности. Тем не менее, я могу говорить о процессах и формах, с которыми знаком благодаря своему жизненному опыту, полученному во взаимодействии с родной общиной и другими аборигенными сообществами по всему континенту, в том числе с людьми ньюнгар (Nyoongar), марди (Mardi), нунгар и кури.

Наши знания сохраняются благодаря тому, что каждый несет в себе их частицу, пусть даже совсем крохотную. Если вы хотите увидеть паттерн творения, обратитесь к каждому и выслушайте его внимательно. Подлинное знание легко проверить, если вы знакомы с этим паттерном; каждый фрагмент отражает структуру всей системы. Если паттерн – тот самый, знание истинно вне зависимости от того, одет ли говорящий в юбку из травы, в деловой костюм или в школьную форму.

Поэтому я переворачиваю линзу.

Я не пишу о системах Аборигенного знания для глобальной аудитории – я исследую глобальные системы с точки зрения Знания. Нижеследующие символы позволяют выразить это ключевое понятие в виде жеста:



Читатель может понять физический жест как живой текст, повторив эту картинку: сомкнутые пальцы левой руки изображают страницу или экран, письменное знание в целом, а пальцы правой руки, разведенные, как на известном отпечатке в наскальном изображении, символизируют устную культуру и знания Первых народов. Предполагается, что рука с растопыренными пальцами подносится к глазам и становится линзой, через которую вы смотрите на руку с сомкнутыми пальцами.

Такого подхода мы и будем придерживаться в этой книге. Чтобы не потеряться в потоке печатных букв, я выстроил главы на основе устного общения, благодаря чему сложилась череда бесед с разными людьми, каждая из которых вызвала во мне чувство дискомфорта. С этими людьми я беседую потому, что они расширяют мое мышление больше, чем те,

кто знает лишь то, что знаю я. Некоторых я назову по имени, но остальных лучше не привязывать к печатному слову и к определенному моменту мысли, а предоставить им возможность существовать в родной для них культурной среде, связанной с плодотворной практикой беседы. Такие беседы ведутся в традиционной форме, которую мы, аборигены, всегда использовали для создания и передачи знания.

Приступая к очередной главе, я сперва вырезал на традиционных предметах логические цепочки и идеи, почерпнутые из соответствующих бесед. Я делал это для того, чтобы моя перспектива устной культуры не подверглась фрагментации и искажению в процессе письменной фиксации.

Например, для этого введения я провел немало времени за изготовлением щитов из коры вместе с моим шурином Хейденом Кэллехером и художником Адамом Риджуэем из людей ворими (Worimi). С Адамом я обсуждал все проблемы, возникавшие при создании книги, и то, как мне следует защищать себя. Мы срезали кору с красных эвкалиптов в правильное время года, когда деревья сочились соком, вокруг бродили вомбаты, а лирохвосты вступали в брачные игры. Мы держали кору над огнем и привязывали рукоятки, чтобы сделать толстые щиты. Некоторые из них Адам использовал для выставки, на которой он вывел паттерны сотворения мира при помощи света, отражавшегося от кусочков зеркала, приклеенных к щитам. Это он нарисовал на айпаде символы ладони, которые вы видели выше. Таким обра-

зом, идеи, изложенные на письме в этом введении, запечатлены на щитах. Я просто держу эти предметы перед собой и перевожу в печатный вид фрагменты знания, явленные моему зрению на щитах.

Этот метод я называю **umpan**. Этим словом мы обозначаем вырезывание и изготовление, но теперь оно также используется и для письма. Мой метод письма включает образы и истории, привязанные к месту и отношениям и выраженные в первую очередь посредством культурной и социальной деятельности. Содержание моей книги визуально, выглядит оно так:



Каждая глава включает в себя «разговор на песке», который служит напоминанием о традиции аборигенов передавать знания посредством рисунков на земле. Я не могу поделиться большим объемом символического знания, потому что оно либо ограничено (возрастом, очередностью появления на свет, полом, уровнями мастерства), либо подходит только для отдельных мест или групп – например, легенда об австралийском журавле может быть значимой для меня как для члена клана апалеч или для других людей того же тотема, но ее нельзя обобщить для всех читателей. Поэтому в разделе «разговор на песке» каждой главы я буду делиться знаниями начального уровня. В них могут упоминаться некие истории, которые, однако, не будут изложены полностью. Тем не менее, они представляют собой части большой истории, метаистории, которая пронизывает всю Австралию густой сетью троп песен, пролегающих по земле и по небу; эта метаистория – Сновидение звезд, которым Джума Феджо из народа ларракия (Larrakia) хочет поделиться со всеми народами. Эта история живет там, где ходят черепахи, – а черепахи есть везде, даже в пустынных странах, поэтому она объединяет весь мир.

Джума и я – оба-мы – работаем с этим знанием и связываем вместе истории со всего континента с 2012 года, когда, как полагали многие люди, исходя из странного толкования календаря мая, должен был наступить конец света. Я включу некоторые части Сновидения звезд Джумы в каж-

дую главу, чтобы помочь читателю глубже проникнуть в понятия. Таких образов шесть, по три с каждого края черепашьего панциря, и каждый из них будет сопровождаться историей. Другие семь образов я придумал сам в годы, предшествовавшие моей аспирантуре, – в ту пору меня беспокоило, что мое научное знание берет верх над культурным. Поэтому я испытывал потребность создать нечто более значимое для самого себя, чем диссертация. Я делился этими мыслями со многими людьми в разных местах, чтобы помочь им приблизиться к аборигенным способам мышления и познания как к структуре понимания, необходимого для совместного создания (со-творения) устойчивых систем.

Я участвовал в различных конференциях и дискуссиях об Аборигенном знании и устойчивости (sustainability) и прочитал много статей на эту тему. В большинстве из них излагается один и тот же упрощенный довод: Первые народы живут здесь тысячи лет, они знают, как сосуществовать в гармонии с этим местом, поэтому мы должны учиться у них, чтобы найти решения для актуальных проблем устойчивого существования (я часто задаюсь вопросом: о каких таких «мы» идет речь в этом утверждении?). Далее приводятся отдельные примеры устойчивых практик доколониальной эпохи – и готово. Публика остается в недоумении: «Ну хорошо, а дальше что? Как всё это можно применять сегодня для решения проблем, с которыми мы сталкиваемся?»

Ответов на эти вопросы нет, потому что участники-або-

ригены, как правило, предлагают шаблонные рассказы о себе и делятся культурными артефактами, которые должны представить чужакам тщательно отредактированную версию их прошлого, – подход довольно однобокий. Мы не делимся тем, что видим, когда смотрим через такое окно. В начале устраивается приветственная церемония, а в конце – танец, и все расходятся по домам довольные, но не поумневшие.

Попытки решения глобальных вопросов устойчивого существования редко учитывают точку зрения аборигенов – в разрабатываемых эконометрических моделях игнорируются особенности аборигенного мышления, основанного на паттернах. Вместо этого нам показывают точечные рисунки⁸ и просят обязательно включить трудоустройство коренных народов в наши планы по «устойчивому» удвоению населения того или иного города в ближайшие десятилетия. Всякая дискуссия о системах Аборигенного знания представляет собой вежливое признание связи с землей, но не предполагает подлинного желания его постичь. Главный вопрос здесь всегда «что?», а не «как?».

Я хочу перевернуть ситуацию. Я хочу использовать процесс аборигенного мышления паттернами для критики современных систем и вместе с тем передать читателям представление о самом паттерне творения. Я хочу избежать ши-

⁸ *Англ.* aboriginal dot painting – точечная живопись аборигенов, вид творчества, распространившийся среди аборигенных общин в 1970-е в результате контакта учителя рисования Джеффри Бардона и жителей поселенья Папуня.

роко распространенного среди аборигенов литературного жанра автобиографического рассказа, хотя и буду приводить некоторые истории в качестве примера. Конечно, мой рассказ будет субъективным и фрагментарным и устареет уже через пять минут после написания – эта проблема присуща всем печатным текстам. Подлинное знание будет продолжать развиваться среди народов и земель, и я буду идти вперед вместе с ним. Вы тоже будете идти. Возможно, вы уже заимствовали приведенный выше жест, добавили собственные оттенки значения, поделились им и создали на основе этого образа нечто такое, что невозможно представить на странице. Я должен передать эти понятия дальше, чтобы оставить их позади и перейти на следующую ступень знания. Если я не смогу это передать, то буду тащить на себе, словно камень, который препятствует моему росту и обновлению систем, в рамках которых я существую. Меня начинает утомлять, что в моей культуре я остаюсь великовозрастным мальчиком.

Эта книга представляет собой лишь перевод части тени, застывшей во времени. Я не претендую на совершенную истину или на авторитетность. Время от времени я перехожу от академического стиля к стилю рассказов у костра. Изложение может показаться неструктурированным; я позволяю логике следовать за сложными образами, которые я пытаюсь описать и которые не отражают причинно-следственные связи, характерные для письменного мышления.

Слова, которые обычно пишутся со строчной буквы, могут писаться с прописной в зависимости от изменения контекста, придающего им разные оттенки значений. Одна из замечательных особенностей английского языка заключается в том, что это креольский⁹ торговый язык, меняющий форму в зависимости от внешних обстоятельств. Я готов отдать должное этому качеству, коль скоро оно поможет мне справиться с некоторыми сложными поворотами.

Это будет непросто, ведь английский язык неизбежно помещает мировоззрение поселенцев в сердце каждого понятия, затемняя его истинный смысл. Например, по-английски бесполезно объяснять аборигенные представления о времени, потому что их можно описать только как «нелинейные», что автоматически проводит у вас в голове жирную прямую линию. Вы фиксируете не отрицательную частицу не-, а прилагательное «линейные»: именно так вы воспринимаете это слово и именно такую форму оно принимает в вашем мозге. Еще хуже то, что этот термин объясняет понятие через описание того, чем оно не является, а не того, что оно собой представляет. В наших языках нет слова «нелинейный» хотя бы потому, что никто не ассоциирует путешествие, мышление или разговор с прямой линией. Тропа всегда извилиста, поэтому ей не требуется отдельного названия.

⁹ Креольский язык – язык, который сначала сформировался как упрощенное наречие для общения между торговыми партнерами на основе их языков, но постепенно стал родным для населения смешанного происхождения и превратился в самостоятельный язык.

Много тысяч лет назад один человек попытался идти по прямой, за что был назван wamba (безумец) и наказан: его забросило на небо. Это очень старая история, одна из многих, которые показывают нам, что нужно путешествовать и мыслить свободно, а не бросаясь вперед сломя голову. Поэтому в этой книге английский язык будет действовать через истории, образы и беседы, а смысл будет не обозначаться отдельными словами, а возникать на извилистых тропках между ними.

В английском языке есть много слов для описания наших Первых народов. Поскольку ни одно из них не обладает достаточной точностью, я по большей части использую их в случайном порядке; каждое из них – предпочитаемый термин для одних и оскорбительный ярлык для других. До европейской оккупации мы называли себя просто Людьми на наших языках, но я не обращаюсь к какой-то конкретной языковой группе и потому применяю многие неточные английские термины, когда нужно обозначить нас в совокупности. Я употребляю многие другие термины, которые мне не очень нравятся, например «Время сновидений» (что представляет собой неверный перевод и неверное толкование), потому что их используют многие пожилые люди, которых я уважаю и которые передали мне знания: негоже выказывать неуважение к ним, отвергая выбранную ими лексику. Как они, так и я – мы все знаем, что эти слова означают, поэтому можем спокойно использовать эти ярлыки. В любом

случае, без них практически невозможно изъясняться на английском, если только вы не будете повторять каждые пять минут что-то вроде «сверхрациональная межпространственная онтология, присущая основанным на обычаях ритуальным комплексам». Пусть лучше будет «Время сновидений».

Я излагаю базовые понятия аборигенной космологии, затем ищу паттерны, потом устанавливаю их связь с устойчивостью – всё это в свободной форме, которую не стоит воспринимать буквально. Для меня важнее не изложить факты, а заставить задуматься. Мой текст вступает в диалог с читателем, приглашая его к совместному размышлению, поэтому я часто использую местоимение первого лица двойственного числа. Оно широко распространено в аборигенных языках, но в английском языке его нет; поэтому я перевожу его как «оба-мы» – когда мои пальцы набирают эти буквы на клавиатуре, мои губы произносят: **Ngal**.

Для выработки решений сложных проблем нужны разные точки зрения и формы мышления, посему нам стоит делать это вместе, связываться с максимальным числом других «обоих-нас» и образовывать тем самым сети динамического взаимодействия. Я не даю экспертных заключений, а просто иначе ставлю вопросы и смотрю на вещи. У меня хорошо получается стимулировать связующее мышление, но я не могу в авторитеты ни по одному из вопросов, затронутых в этой книге; моя точка зрения носит маргинальный характер даже в моей собственной общине. Но ведь именно в марги-

нальных, окраинных зонах почва особенно плодородна.

Я надеюсь, что с этой переходной позиции оба-мы сможем увидеть то, что было упущено, заметить какой-то аспект паттерна творения и провести некоторые мыслительные эксперименты, чтобы понять, куда этот паттерн может нас привести. Это хорошо получалось у Эйнштейна, который редко заходил в лабораторию и просто говорил: «Если это так, то это так» и создавал такие симуляции в пространстве Времени сновидений, благодаря которым складывались невероятно сложные и точные доказательства и решения. В этом пространстве даже то, что он воспринимал как свою величайшую ошибку, впоследствии оказалось его величайшим открытием. Это не так уж сложно. А если мы застрянем, то позовем на помощь ехидн.

Начать нам следует с первых вопросов, которые неизменно становятся препятствием на пути к знанию. Кто это – настоящие Коренные народы? Кто из них является носителем настоящего Аборигенного знания, и какие аспекты этого знания могут помочь сегодня в разработке устойчивых систем?

Мальчик-альбинос

Оба-мы идем тропами песен с Клэнси Маккелларом, сказителем из людей вангкумара (Wangkumarra). По ландшафту песен и историй пролегают древние тропы Времени сновидений, запечатленные в наших умах и телах и в отношениях со всем, что нас окружает: это знание хранится в каждом водном потоке и в каждом камне. Мы проходим там, где встречаются Квинсленд, Южная Австралия и Новый Южный Уэльс. Клэнси находит тропы моих предков и показывает, где мои истории соединяются с его.

И у него, и у меня кожа не очень темная – возможно, по этой причине он уделяет особое внимание персонажам-альбиносам. Белая женщина-сова со светлой кожей и волосами становится **Gubbiwarlga**, или Мудрой женщиной, а затем превращается в кварц. Мальчик-альбинос подвергается травле и унижениям в своей общине, которая изгоняет его. Когда мы добираемся до скальной площадки, построенной мальчиком-альбиносом, у меня перехватывает дух. В изгнании он не шлялся без дела, а упорно трудился, не покладая рук.

По всей площадке располагаются массивные покрытые резьбой и отполированные каменные плиты, которые мальчик поместил на стоящие камни, уложенные в кучи или расставленные рядами. На этой огромной площадке, представ-

ляющей собой солнечный календарь, на котором отмечены времена года и движения небесных тел, их больше, чем оба-мы можем сосчитать. Я не могу понять, почему я не слышал об этом месте раньше и почему оно не так известно, как Стоунхендж. Я кладу руку на один из камней и чувствую, как с земли по нему поднимается глубокий «дуум», резонирующий в плече и спускающийся в мое нутро, – похоже, только что я получил ответ на свой вопрос.

Это не археологический памятник, который нужно раскапывать и изучать. Площадка по-прежнему пустынна. Мальчик всё еще здесь, возможно, он не рад непрошеным гостям. Это никакой не монумент. Это место живо. Каждый камень одушевлен и наделен разумом – впрочем, в нашем мировоззрении это справедливо для всех камней. Вдалеке располагается секретная пещера, на полу которой выложена миниатюрная копия площадки. Говорят, что люди, умеющие работать с камнями, могут молниеносно перемещаться между такими местами, которые соединены с каменными композициями по всему континенту.

Позднее, во время солнцестояния, я стою у Вурди Юанг в штате Виктория: эта каменная композиция в форме буквы С отражает движение солнца в течение года. Со смотрового камня, расположенного ниже на холме, я гляжу, как солнце опускается за опознавательный камень наверху композиции, луна встает прямо за мной, а Венера, Юпитер, Сатурн и Марс выстраиваются вдоль одной тропы. Тут речь идет не толь-

ко о небесных телах, образующих упорядоченную линию, но и о тысяче различных историй, которые сливаются воедино, и об узоре (pattern), который они создают в диалоге между землей, небом и мною. Знание этих историй субъективно – то, как тот или иной человек обладает им в конкретный момент времени и в конкретном месте, представляет собой уникальную точку зрения, которая священна; это коммуникация, связующая земной лагерь и небесный лагерь, людей и разумный космос. Оба-мы присутствуем здесь, но видим разные истории.

В этот момент пролетающие над головой птицы становятся частью песни творения. Спутник. Самолет. Два облака на севере, причудливо извивающихся, словно змеи. Мы называем это «чем-то», знаком или посланием от Предков. Я думаю об истории о Двух змеях и о том, как впервые услышал ее, когда ехал на побережье из Гандабуки, что в северо-западной части Нового Южного Уэльса. Над собой я вижу Марс и Венеру – я знаю их как очи создателя, который во многих южных областях днем смотрит глазами орла, а ночью – сквозь планеты.

Время от времени на границе Нового Южного Уэльса и Квинсленда проводится церемония. Люди мурри (Murri) приносят красный опал из Квилпи и голубой – из Лайтнинг-Ридж, один с севера, другой с юга, чтобы соединить Марс и Венеру как очи создателя. Я думаю об этом и о месте, расположенном южнее, близ Уолджетта, где орлиные глаза –

это две глубоких дыры в скале. Я думаю о тотемной связи моей женщины с орлом и о том, что она воплощает эту связь. Я продолжаю разворачивать сеть связей между земными общинами и небесной страной. Живые камни есть и там, наверху, и здесь, внизу, а темное пространство между звездами – это не вакуум, а твердая почва, обладающая массой и чувствительностью, отражающей места и времена на земле. Я вижу этот паттерн лишь до тех пор, пока не пытаюсь его описать: тогда он растворяется, как дым.

На первый взгляд, в этом не так уж много полезного. Такие места позволяют нам утверждать: «Смотри, мы были астрономами на протяжении тысяч лет, поэтому наше знание важно, а вы, свора ублюдков, уничтожили всё это». Хорошо, но каким знанием мы можем поделиться, чтобы пролить свет на решение проблем устойчивого развития и других сложных вопросов? Джума Феджо говорит мне, что у всего сотворенного есть Сновидение, даже у дворников на ветровом стекле и у мобильных телефонов; так почему же наше знание о творении должно застыть во времени и стать артефактом?

Камни на земле и на небе, все эти истории и их связи могут рассказать нам больше, чем тот простой факт, что они существуют на протяжении энного количества тысячелетий. Они могут рассказать нам, как обращаться со сложным и хрупким устройством человеческих обществ, как ограничить разрушительные крайности в этих системах и – самое главное – как вести себя с идиотами. Для обретения тако-

го знания нам нужен практический подход. Начать можно с разговора на песке – взгляните на один из символов старика Джумы.



Два символа внутри шестиугольника представляют нечто большее, чем недавно приобретенное ими математическое значение. По отдельности они являются знаками сумчатых (<) и птиц (>) как разных тотемных категорий мяса и основаны на разных направлениях сгиба их коленных суставов. Вместе (<>) они представляют единственных плацентарных млекопитающих этого континента – людей и собак динго. Они образуют фигуру, которая показывает брачные правила внутри системы родства; под другим углом они могут образовывать символ Мужского дела¹⁰. Они также показывают точку столкновения, событие творения, связанное с созвездием Ориона (который всегда и повсюду в мире является либо охотником, либо воином), большой взрыв, вызванный борьбой ехидны и черепахи. Травма, причиненная этим событием, привела к разделению небесного и земного лагерей и к началу глубоких циклов расширения и сжатия вселенной, подобных дыханию, которые задают ритм для всего на свете.

Паттерн большого взрыва, начальной точки столкнове-

¹⁰ Англ. Men's Business – аборигенное понятие, которое включает виды деятельности, навыки, знания, ритуалы, доступные только или преимущественно мужчинам, а также представления о мужских обязанностях и запретах и о том, что значит быть мужчиной (аналогично для женщин – Women's Business).

ния, представляет собой не просто что-то, происходящее в масштабе вселенной: он бесконечно повторяется во всех ее землях и частях. Многие истории творения упоминают эту точку столкновения, которую часто символизирует камень посреди какого-либо места и истории. Улуру¹¹ – камень в центре истории этого континента, паттерн, повторяющийся в различных взаимосвязанных историях множества локальных регионов и представленный на наших телах в виде пупка, а затем, во всё меньших и меньших масштабах, на квантовом уровне нашей космологии. Этот способ знания не проводит различия между тобой, камнем, деревом или светом. Всё содержит знание, историю, паттерн. Чтобы разобраться в этой истории и распознать паттерн, мы должны начать с изучения камней.

Нет никакого толку говорить, что «гранит – это пирогенная кристаллическая смесь кварца, слюды и шпата». Столь же бесполезно носиться в окрашенной узелками рубашке, обнимать камни и просить их поделиться своими тайнами через пирсинг на пупке. Нужно проявить терпение и уважение, подойти поближе, присесть и дождаться приглашения. Так что мы можем посвятить чуть больше времени разговорам на песке, прежде чем приобщиться к камням, понять, кому дозволено узнать о них и как это знание может нам по-

¹¹ Улуру – массивное скальное образование в Центральной Австралии, примерно в центре континента; священное место аборигенов, внесено в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

МОЧЬ ВЫЖИТЬ СЕГОДНЯ.

Я провел много времени, раз за разом изображая этот символ птицы/сумчатого и беседуя с людьми о нем, пока, наконец, не изготовил каменный топор, чтобы сохранить свои прозрения. На это у меня ушел год по той причине, что я постоянно возвращался к этим двум видам ног, которые снова и снова создавали в моей голове образ Эму и Кенгуру – как образ Времени сновидений, но еще и как австралийский герб. Поселенцы, по-видимому, признали его значение, раз переняли его в качестве символа своей колонии. У меня есть нерешенные вопросы с Эму, с его ролью в творении и с поведенческими моделями, которые продолжают развиваться из этого истока, создавая проблемы для человеческого общества и, как следствие, для самого творения. Проблему Эму можно истолковывать как математический символ больше/меньше. Эму – возмутитель спокойствия, который воплощает самую разрушительную мысль существования: я больше тебя; ты меньше меня. В этом кроются истоки всех человеческих несчастий. Аборигенное общество на протяжении тысяч лет справлялось с этой проблемой. Некоторые люди просто идиоты – идиотизм время от времени проявляется в каждом в виде голоса, который откуда-то изнутри шепчет: «Ты – осо-

бенный. Ты больше других людей и вещей. Ты важнее всего и вся. Все вещи и все люди существуют для того, чтобы служить тебе». Необходимы мощные противовесы для сдерживания ущерба, который может причинить такое поведение.

Есть много историй, объясняющих, как всё это началось, и я, будучи мальчиком тотема Австралийского журавля (а это традиционный враг Эму), все их знаю. Мою любимую историю Времени сновидения рассказывает Старейшина ньюнгар Ноэль Нэннап из Перта. Все животные собрались, чтобы решить, какой вид будет хранителем всего творения. Эму устроил страшный бардак, начав носиться во круг, чтобы показать свое проворство. Он утверждал, что всех превосходит, на всех кричал и требовал, чтобы его признали главой. Темный силуэт Эму можно увидеть на Млечном пути. Кенгуру (его голова – это Южный крест) держит его, Ехидна хватает сзади, а большой Змей опутывает его ноги. Чтобы сдержать опасного нарцисса, необходимы коллективные усилия.

Однако текущее сочетание фрагментации общества и возможностей молниеносной коммуникации означает, что нам приходится иметь дело с этими сумасшедшими один на один, сталкиваясь с ними лбами в вакууме, где нет законов, а в неконтролируемой среде они процветают. Борьба с ними в одиночку бесполезно: как гласит старая поговорка, ни-

когда не дерись со свиньей – вы оба вымажетесь в грязи, а свиньи это любят. Базовые правила человеческого общения к ним неприменимы, поскольку они обращают эти правила против всех остальных.

Базовые нормы аборигенов, как и большинства других обществ, включают в себя уважение и выслушивание мнений всех участников разговора. Нарциссы требуют для себя этого права, но затем отказываются давать слово другим на том основании, что чужое мнение нарушает их свободу выражения или оскорбляет их. Отвергая основополагающие социальные договоры о взаимности (обуславливающие возникновение в ходе обмена репутаций щедрости и великодушия, которые обеспечивают стабильные связи и поддержку в обществе), они подтачивают основы гармонии несколькими словами нелюбезной сплетни. Нарциссы придерживаются двойных стандартов и настолько подрывают системы взаимобмена, что каждый член социальной группы оказывается в изоляции и вынужден вести дарвиновскую борьбу за власть и за сокращающиеся ресурсы, в которой гибнет всё. После этого они перемещаются в другое место и присоединяются к новой группе. Можете свободно экстраполировать эту модель на разные страны и разные исторические эпохи.

У нас есть истории о таком поведении, памятные камни, стоящие там и тут вдоль троп песен, жертвы и разрушители, превратившиеся в камни после эпической борьбы, чтобы вечно служить назиданием другим. Клэнси Маккелар пока-

зал мне место, где были наказаны и обращены в камни три брата, похитившие женщин. Повсюду в Тибубурре красные камни – это люди, окаменевшие из-за того, что они нарушили закон или переборщили с ритуалами изменения погоды. Камни воплощают Закон и знание Закона. Любое нарушение Закона проистекает из дьявольской мысли, первородного греха, заключающегося в том, чтобы поставить себя выше земли или выше других людей.

Однако наши традиционные системы Закона содержат знание, что время от времени идиотом бывает каждый. Это ведет к суровой расплате, но за нарушителем в итоге не числится никакой вины, и никто не держит на него обиду. Совершившие проступок считаются преступниками лишь до тех пор, пока их не накажут, после чего они снова могут пользоваться уважением и приносить пользу группе. Поэтому у людей нет нужды лгать, перекладывать вину на другого или пытаться исказить правила, чтобы ускользнуть от ответственности и наказания. Они знают, что им предстоит начать всё с чистого листа, поэтому с готовностью принимают наказание и последующее преобразование – а лучшего способа научиться и придумать нельзя.

Возможно, из наших историй о камнях можно кое-что извлечь для повышения эффективности и устойчивости систем правосудия. Эти старые преступники, обращенные в камень и разбросанные по всей стране, не вызывают презрения, а пользуются уважением, поскольку они понесли нака-

зание и теперь почитаются как хранители Закона. Если мы относимся к ним с уважением и слушаем их истории, они могут рассказать нам, как улучшить жизнь в обществе.

Впрочем, о камнях я знаю немного. Мне привычнее открытые саванны и бушленды, поросшие сухими склерофитами, а в моем Месте историй есть только один камень, который перемещается по своей воле и оказывается в разном положении каждый раз, когда ты его видишь. Он родом из Азии, его принес циклон, и он так и не угомонился и не зажил медленной жизнью, как прочие камни. Поэтому мне нужно поговорить с кем-то, кто действительно понимает, как работает камень. По своему обыкновению я обращаюсь за самым глубоким знанием к обладателю самой маргинальной точки зрения. Я говорю с юным тасманийским аборигеном по имени Макс.

У Макса серебристо-белые волосы и алебастровая кожа. Он смотрит и говорит так, как если бы ему было привычнее ездить верхом на драконе, а не на обьеженной лошади. Он настоящий нерд, помнит сотни цифр после запятой числа пи без особой на то необходимости, считает, что владеет боевыми искусствами гораздо лучше, чем на самом деле, и обладает энциклопедическими познаниями об эльфах, хоббитах и супергероях. Он также может писать такие песни на языке своих предков, от которых у меня наворачиваются слезы.

Мы с ним много занимались традиционной борьбой, в которой раньше использовались каменные ножи. По правилам

боя, удары противнику можно наносить только по рукам, плечам или спине (это очень трудно), а в конце схватки победитель, как ни странно, должен получить те же порезы, что и проигравший, чтобы ни у кого не осталось обиды. Довольно трудно порезать кому-то спину каменным ножом, когда он пытается сделать то же самое с тобой, но это становится еще труднее, когда ты знаешь, что с каждым ударом ты на самом деле наносишь порезы самому себе. Разговаривая после этих схваток, мы пришли к выводу, что такая разновидность боя заставляет тебя понять точку зрения врага и в конце вы уже не можете быть противниками, потому что вас связывает уважение друг к другу и взаимопонимание. Это еще один урок от камня – но как его применять сегодня? Похоже, тут открывается отличная возможность провести мысленный эксперимент.

На мой взгляд, если бы вы решили взять современную экономику, которая зависит от постоянной войны, и попытались сделать ее устойчивой, вы могли бы начать с введения подобных правил ведения боя. Но в модели с каменным ножом враги представляют собой невозобновляемый ресурс, который рано или поздно будет исчерпан. Для военной машины было бы совершенно непрактично, если бы каждый уважал все точки зрения. Возможно, здесь достаточно позаимствовать ту простую мудрость, что большинству молодых людей нужно нечто большее, чем тренинги осознанности, чтобы побороть ужасающий нарциссизм, охватывающий их,

как только у них отрастают яйца. Быть может, тогда из них не вырастут мужчины, которые первым делом устраивают войны.

Это подводит нас к ключевому изъяну, к дьявольской лжи: «Я больше тебя; ты меньше меня». Поскольку внешний облик Макса не сочетается с представлением некоторых людей о его культурной идентичности, ему каждый день приходится иметь дело с нападками, в основе которых лежит этот ключевой изъян. Его идентичность постоянно оспаривают и аборигены, и неаборигены, которые ставят себя в позицию превосходства и с наслаждением высказывают свои суждения относительно его бытия. Макс размышляет над этими нападками и приходит к выводу, что у этих людей нет собственной идентичности, поэтому единственное доступное утешение для них состоит в том, чтобы набрасываться на других.

Пусть Макс и не знает всего о своей родословной и о своей культуре – и та, и другая были трагически нарушены полномасштабным геноцидом – но он знает, кто он такой, а принадлежащие ему фрагменты культурного знания обладают целостностью и ценностью. Порядок (pattern), который складывается из этих фрагментов, он прилагает ко всем сферам жизни.

Я не знаю, кем бы я был, не будь у меня моей идентичности, потому что мне неведома жизнь без нее. Я не могу отличить в себе аборигенное от неаборигенного, потому что

все мои действия – это действия аборигена: то, как я иду по жизни, как общаюсь с людьми, как думаю. Это просто течет в тебе, как кровь, что бы ни случилось.

Когда Макс перечисляет сотню цифр числа пи, он не выходит за рамки своей идентичности; он поет паттерн творчества с севера на юг. Для этого ему не нужно обладать уровнем знаний Старейшин. Ему достаточно разглядеть эту регулярность (pattern) в том, что он уже знает. Хранители знания видят, как он себя ведет, и знают, что он готов взять на себя ответственность за новое знание, и потому передают ему истории. Так и работает Аборигенное знание.

Я не говорю, что Макс идеален. Иногда и он поддается обману принципа «больше/меньше». Порой он выводит меня из себя. Однажды я так сильно накричал на него, что лишился голоса на два дня, однако моя реакция на его поведение была такой резкой, что мне пришлось заглаживать свою вину. Я многому научил Макса, но и он учит меня разным вещам – например, как прийти в себя после того, как совершил ошибку. Еще он рассказывает мне о камнях, потому что у тасманийцев с ними особая связь.

Для меня камни – это предметы, которые сопровождают меня всю жизнь, больше, чем деревья или смертные вещи, потому что камни почти что бессмертны. Они хранят всё, что познали на протяжении геологических эпох. Камень представляет землю, инструменты и дух; он передает смысл через свое умение сопротивляться стихиям и через то, как

люди им пользуются. В то же время он стареет, трескается и рассыпается под воздействием времени, но всё же остается на месте, полный энергии и духа.

Мы разговариваем о чувствительности камней и о том, что древние греки допустили ошибку, противопоставив «мертвую материю» живой, вследствие чего западная философия в течение столетий не могла дать определение таким понятиям, как сознание, и самоорганизующимся системам вроде галактик. На Западе считалось, что космос безжизнен, а между звездами – пустота; в наших же историях, основанных на наблюдаемом эффекте притяжения, который эти темные пространства оказывают на небесные тела, они описаны как живая страна. Теории о мертвой материи и пустом космосе означали, что западная наука поздно пришла к открытию того, что сейчас называют «темной материей», и поняла, что эти просторы «мертвого и пустого» космоса содержат, на самом деле, большую часть материи вселенной.

Это возвращает нас к истории о творении дядюшки Ноэля Нэннапа, в которой Эму спятил. Согласно ей, в реальности, предшествовавшей творению, космос был твердым и тяжело нависал над землей, грозя уничтожить всё, что пыталось возникнуть. Нужно было разделить землю и небо, и Предки физически подняли небеса. Небесная страна рассматривается в наших преданиях как нечто осязаемое, обладающее массой, что указывает на определенное понимание темной материи. Вся эта небесная территория постоянно общается

с нами, оказывает на нас воздействие и даже обменивается материей в виде камней, которые прорываются сквозь нашу атмосферу. Наши истории показывают наше древнее понимание того, как астероиды образуют кратеры, к которому научное знание пришло лишь несколько десятилетий назад.

Мы с Максом беседуем о том, что наше знание обо всем этом не могло храниться только в нашей культуре, ведь древние названия созвездий в других странах часто совпадают с нашими – семь сестер, два брата, орел, охотник. По-видимому, эти истории и системы знаний некогда были присущи всем народам мира. Мы думаем, что на севере должно было произойти что-то ужасное, раз люди там об этом забыли и науке пришлось начинать всё с начала, а не основываться на прежнем знании. Что это за катаклизм? Мне представляется, что Черная смерть не прошла бесследно, но, наверное, это началось еще раньше. Я думаю, что обман Эму где-то вышел из-под контроля, и всё больше и больше людей стали считать себя более значимыми, чем земля, чем другие, чем женщины, которые держат наши жизни в своих руках и животах. Чем бы он ни был, этот катаклизм нарастает, и я не знаю, как нам ему противостоять.

Макс отвечает:

Камень учит нас, что мы, не поддаваясь тому, что пытается нас сломить или поставить на колени, должны быть сильными и с помощью нашей культуры и убеждений сохранять нерушимое ядро. Большую

часть этой земли составляют камни, и, хотя ее поверхность образуют вода и растения, камень – это тело земли, та ее часть, которая удерживает всё вместе. Может существовать и жизнь, и творение, но всё рухнет без прочной основы. То же касается общества, компаний, отношений, идентичности, знания, почти всего осязаемого и неосязаемого. Так же, как леса и деревья, наподобие кожного покрова покрывающие камни земли, – без этой силы внутри, без этого единого камня всё рухнет.

Размышляя о форме мира, Макс описывает его тонкую оболочку, а я думаю о физике наших историй творения и о том, как камни со временем обветриваются, превращаясь в шары. Я вижу в этом модель вселенной – ведь эффективнее всего материю удерживает сфера. Сторонникам теории плоской земли, которых становится всё больше, я мог бы сказать: «Надуйте мне плоский пузырь, и я прислушаюсь к вашей теории». Но это поставит меня в позицию «больше, чем ты», поэтому мне нужно себя контролировать, уделять внимание собеседникам и помнить, что и в маргинальных точках зрения есть своя ценность.

Поэтому, слушая их в интернете, я понимаю, что сфера – это не конечная форма процесса создания. Наша галактика началась со сферы и затем сплюснулась в диск, и Земля, вращаясь, словно кусок глины на колесе, тоже постепенно превращается в диск. Пока что она сплюснулась всего примерно на двадцать километров у полюсов, но процесс идет. Хоро-

шо, что я не стал отвергать идеи сторонников плоской земли с порога, в противном случае я, возможно, никогда бы этого до конца не понял.

Но какую пользу можно извлечь из такого образа мысли? Что ж, результаты мысленного эксперимента можно применить по-разному. Например, при упаковывании можно эффективнее использовать пространство и ресурсы, если считать, что в маленькую сферу поместится намного больше, чем в большую коробку. Но как потом не дать этим сферам скатиться с полок? Плоскоземельцы решают этот вопрос: просто придавите слегка эти сферы. Спасибо, плоскоземельцы. Эта инновация могла бы немного уменьшить объемы мусора, сэкономить немного нашего времени.

Макс считает, что для предотвращения уничтожения планеты требуется более значимая трансформация мышления – мы должны больше узнать у камней об уважении. Я согласен – осознание того, что мы не больше и не меньше, чем камни, безусловно, привело бы к переменам, если бы к нему пришла критическая масса людей. Всякого, кто считает себя лучше камня, следовало бы превратить в камень – тогда бы он наконец-то понял, что в нем нет ничего особенного, и смог бы стать счастливым. Макс полагает, что в последние десятилетия люди стали проникаться духом камней, и это мне напоминает о том, что происходит на Улуру.

Там есть сарай, полный камней. Долгое время туристы увозили из этого священного места камни в качестве сувени-

ниров, а несколько десятилетий назад начало происходить нечто странное. Туристы стали в панике отправлять камни обратно и сообщать о странных событиях, нарушениях сна, неудачах, визитах призраков и ужасных происшествиях. Каким-то образом они догадались, что дело в камнях, и в отчаянии принялись отправлять их обратно с извинениями. Камней прислали так много, что пришлось построить новый большой сарай, чтобы их разместить.

Наш Закон говорит, что камни обладают разумом и содержат дух. Нельзя просто взять камень и отнести его домой: так вы потревожите его дух, который в свою очередь начнет тревожить вас. Если вы посидите у костра с аборигенами в любой части Австралии, вы наверняка услышите назидательную историю о каком-нибудь родственнике, который оказался настолько глуп, что взял камень и отнес его домой, после чего заболел, сошел с ума, был убит или его стали преследовать привидения. Многие камни настроены благожелательно и готовы к тому, чтобы ими пользовались или обменивались, но нужно следовать заветам стариков, чтобы понимать, какие именно можно брать. Камни требуют уважения.

Возможно, нужно еще поработать над вопросами о том, что представляет собой сознание и что представляет собой жизнь. Если бы определения этих понятий включали камни как чувствующие существа, это очень помогало бы сдерживать «эмуподобное» поведение, которое в наши дни широко распространяется по всей Земле и в киберпространстве. Ли-

бо можно начать рассылать камни с Улуру всем нарциссам, дабы преподать урок уважения к другим.

Надеюсь, я создал у вас некоторое представление о том, что такое Аборигенное знание, у каких аборигенов оно есть и как его можно использовать. Если вы что-то пропустили, то ответы – везде, во всем, во всех нас. Но кто такой Абориген? В рамках мысленного эксперимента по устойчивому развитию, предпринимаемому в этой книге, Абориген – это член общины, которая хранит память об устойчивом образе жизни, связанном с землей и являющимся ее частью. Аборигенное знание представляет собой любое применение этой памяти как живого знания с целью улучшения текущих и будущих обстоятельств.

Первый закон



«Почему ты не видишь тут цветы?» – спросила меня девочка. Я показывал ей этот рисунок на песке, когда рассказывал о времени и глубоком времени ¹², а она посрамила меня, заставив увидеть иную картинку. Прекрасную картинку здесь и сейчас, там, где текущее время вечно и исполнено радости. Старик Джума тоже заставил меня взглянуть на этот образ иначе, предложив мне прикинуть щекой к земле и посмотреть на него «глазами муравья»: в картинке на песке открылась топография страны, все долины и горные кряжи. Время и место вместе. Однако три этих круга: время творения, время Предков и современность – как паттерн повторяются на микроуровне, в виде трех поколений, трех стадий жизни и даже трех частей дня, задачи, мгновения.

Отделившись от земли, эта картинка поднимается к вам, становится трехмерной и превращается в подвижную, вращающуюся энергетическую систему. А снаружи – новый круг, который на деле вновь оказывается в центре, потому что возвращается назад, будучи связан во времени и месте с системой бесконечно растущих и обновляющихся кругов. Мы не умираем, а возвращаемся в Страну, затем приходим снова, в третий раз. Творение – это не событие, происшедшее

¹² Глубокое время – так иногда обозначают историю геологических эпох, желая подчеркнуть краткость и мимолетность истории человеческого вида на ее фоне.

«давным-давно», оно продолжается и сейчас и будет продолжаться, если мы знаем, как его распознать.

Всё происходит из центральной точки столкновения, большого взрыва, который расширяется и сжимается, выдыхает и вдыхает, без начала и конца, в постоянном состоянии, в котором прошлое, настоящее и будущее представляют собой единое целое, одно время, одно место. Каждый когда-либо сделанный вдох остается в воздухе в ожидании, когда его снова вдохнут. Я вдыхаю вдохи предков и всех прочих. Так всегда было, есть и будет. А здесь цветы, я смотрю на них и улыбаюсь.

Иногда трудно писать по-английски, когда ты только что поговорил по телефону со своей прабабушкой, которая одновременно приходится тебе племянницей, а в ее языке нет отдельных слов для обозначения времени и пространства. В ее системе родства каждые три поколения происходит перезагрузка, после которой родители твоих бабушек и дедушек классифицируются как твои дети¹³ – это часть вечного цикла обновления. На своем традиционном языке она спрашивает тебя что-то, что непосредственно переводится на английский как «what place» («какое место»), но на самом деле

¹³ В аборигенных классифицирующих системах родства одним и тем же термином зачастую охватывается целая группа людей (необязательно кровных родственников), в которую могут входить и представители разных поколений – например, как здесь, одновременно дети и прабабушки с прадедушками.

означает «what time» («какое время»), и ты неохотно помещаешь себя в эту парадигму, потому что знаешь, что потом, когда ты вернешься к работе, из этой парадигмы будет чертовски трудно выйти. Родственные связи следуют циклам, земля следует циклам времен года, небо следует звездным циклам, а время так тесно связано со всем этим, что не является понятием, обособленным от пространства. Мы воспринимаем время совершенно иначе, чем люди, привязанные к плоским расписаниям и поверхностям, которым нечего рассказать. В наших сферах существования время течет не по прямой линии, и оно так же осязаемо, как и земля, на которой мы стоим.

В центре приведенного выше рисунка из разговора на песке есть точка столкновения, событие творения, которое запустило в движение время/пространство. Он изображает три великие эпохи глубокого времени в виде колеблющихся колец, которые появляются одновременно. Если вы всмотритесь в этот символ пристальнее и примете его в себя, то увидите, что он образует что-то вроде трехмерного яблока внутри вселенной. Эта сфера движется, потому что три эпохи постоянно перемещаются извне в середину и обратно, расширяясь и сжимаясь, сворачиваясь снова и снова и воспроизводя себя в бесконечном, стабильном ритме. Это устойчивая система.

Ничто не создается и не уничтожается; всё просто движется и меняется, и в этом заключается Первый закон. Творение постоянно находится в состоянии движения, и мы, будучи его хранителями, должны двигаться вместе с ним, иначе повредим систему и обречем себя. Ничто нельзя удержать, накопить, сохранить. Каждая единица требует скорости и обмена в рамках стабильной системы, иначе ей грозит застой – это касается как социально-экономических, так и природных систем. Все они подчиняются одним и тем же законам.

Вокруг центрального круга есть три дуги (или лепестка, как лично я их воспринимаю), которые показывают, как в паттерн творения вписывается наша социальная система, где каждого ребенка окружают три поколения сильных женщин – родные/двоюродные сестры, матери/тети, бабушки. Мать бабушки возвращается в центр и становится ребенком, и все они вечно вращаются вокруг этих ролей, а дух ребенка снова рождается на земле. Каждый также одновременно выполняет все эти роли – чья-то сестра кому-то приходится тетей, но также и бабушкой дочери племянницы.

Тем самым система меняется в зависимости от контекста родственных связей того человека, который смотрит на нее в тот или иной конкретный момент. Если вы сами являетесь ребенком в центре, то перед вами один ряд отношений, если принимаете точку зрения ваших детей – другой. Тетя ребенка – одновременно чья-то дочь, находящаяся

в центре своей собственной системы. Всякий раз, когда вы кого-то встречаете и определяете взаимные родственные отношения, вы соединяете множественные вселенные. Невозможно быть внешним наблюдателем этой системы: вы должны поместить себя в нее, чтобы увидеть ее в трех измерениях, и вы должны перемещаться и выстраивать связи внутри нее, чтобы увидеть множество других измерений. Снаружи это просто плоская картинка.

В современных исследованиях ученым приходится претендовать на объективность – невозможный, богоподобный («я больше тебя») подход. Тот, кто его придерживается, виляет в пустом пространстве и наблюдает поле, не будучи его частью. Иллюзия всезнания столкнулась с различными препятствиями в квантовой физике. Неважно, насколько упорно вы пытаетесь отделить себя от реальности: реальность меняется в зависимости от вашей точки зрения, поэтому всегда возникает эффект наблюдателя. Ученые называют это принципом неопределенности.

В физике я пока новичок, но, насколько я понимаю, когда вы определяете положение субатомной единицы, она становится частицей, а когда измеряете ее движение, она превращается в волну. Таким образом, ее физическая реальность изменяется в зависимости от того, как вы на нее смотрите. Результатом подобных рассуждений является заявление: «Если я могу менять реальность силой мысли, я хочу, чтобы вселенная подарила мне Lamborghini».

Из беседы с Перси Полом, аборигеном и специалистом по теоретической физике из Института Периметр, расположенного в Канаде, я узнаю, что так это не работает. Похоже, он чувствует, что сложные уравнения неопределенности мало влияют на его реальную жизнь как аборигена. Слушая его рассказ о том, как он существует и как понимает вселенную, я пытаюсь встать на его точку зрения: я начинаю представлять, как электрон формирует поле возможностей в момент измерения, его нельзя зафиксировать в конкретном положении в линейном времени, вследствие чего он образует что-то похожее на пляж, где каждая песчинка – это возможность его присутствия. Мне это подсказывает, что осязаемая реальность существует лишь вопреки линейному времени.

Мне кажется глупым пересказывать свои размышления – от этого я, следуя велению собственного эго, воздерживаюсь. Эго всегда мешает хорошим беседам. Вместо этого мы с Перси обсуждаем первый и второй законы термодинамики, и он делится со мной удивительными соображениями, но затем пути наших мыслей расходятся, беседа заканчивается, и мы больше не возвращаемся к этой теме. В Мире аборигенов нельзя заставлять людей делиться знанием: ты просто принимаешь то, к чему, как они думают, ты готов. Обычно носители знания отстраняются, если видят в тебе нарциссизм, а я чувствую, что вступил в беседу в неправильном состоянии ума. Как бы то ни было, я с благодарностью подбираю семена, которые мне оставляет Перси.

Наши разговоры заставляют меня вновь задуматься о коте Шрёдингера – по-моему, это лучший способ для непосвященных понять принцип неопределенности. В этом знаменитом мысленном эксперименте вы представляете, как будто отравили кота и положили его в коробку. Вы не знаете, умер он или нет, поскольку его не видите: таким образом, в это мгновение кот одновременно и жив, и мертв. Акт наблюдения за дыханием кота оживил бы его, тогда как акт созерцания его остекленевших глаз, застывших в ужасе предсмертной агонии, его умертвил бы. Обалдеть.

С точки зрения аборигенной космологии, проблема неопределенности решается тогда, когда вы признаёте, что вы – часть наблюдаемого поля, и принимаете свою субъективность. Если вы хотите знать, что не так с этой коробкой, выпейте яду и залезьте в нее. После бесед с Перси я начинаю рассматривать принцип неопределенности не как закон, а как выражение разочарования, вызванного тем, что богоподобной научной объективности невозможно достигнуть.

Сегодня ученые должны устранять все следы своего присутствия в экспериментах, в противном случае полученные ими результаты считаются неточными. Почему неточными? Их портит факт причастности? Или токсичное осознание того, что если мы не можем находиться за пределами наблюдаемого поля, то не можем и обладать им? Не думаю, что наука в обозримом будущем примет аборигенные методы исследования, ведь Аборигенное знание хотят заполучить не

на уровне как, а лишь на уровне что, как ресурс, который можно разграбить, а не как источник процессов познания. Покажи мне, где растут нужные травы, чтобы я мог синтезировать вещество и сделать наркотики!

В мысленных экспериментах над помещенными в коробку кошачьими я не вижу никаких устойчивых решений, зато вижу некоторые возможности в упомянутом выше паттерне, который создают три поколения женщин. Они показывают мне, что нужно двигаться и приспосабливаться в рамках системы, которая постоянно находится в состоянии движения и приспособления. Если брать шире, то именно так оба-мы можем повлиять на систему в устойчивом смысле: любая попытка контролировать систему с любой фиксированной позиции извне представляет собой несогласованное вмешательство и обречена на провал. Так как же общество может ответить, например, на глобальную финансовую нестабильность? Оба-мы можем предпринять мыслительный эксперимент на основе этой истории о прабабушке/племяннице с целью создать симуляцию вселенной, в которой живут эти три поколения сильных женщин, образующих устойчивую социальную ткань расширенной семьи.

Если мы встанем на их точку зрения, то на фоне всех масштабных экономических перипетий последних десятилетий мы сможем обнаружить несколько маленьких островов устойчивости и стабильного роста, связанных с определенным фактором. И речь здесь идет не о золоте, а о расши-

ренной семье. Распространенная в третьем мире экономика денежных переводов, в рамках которой мигранты, уехавшие в страны первого мира, отправляют деньги домой и которая по своим объемам соперничает с системой международной помощи, не рухнула в ходе последнего финансового кризиса¹⁴. Более того, вопреки предсказаниям экономистов, она даже выросла. Массы отчаянно бедных людей, работающих вдали от дома, продолжают отправлять миллиарды долларов своим расширенным семьям и общинам, и этот экономический процесс оказывается устойчив к кризисам.

Тем временем во Франции и Германии некоторые аспекты экономики, связанные с расширенными семьями, также остаются стабильными, причем свою устойчивость они сохраняли даже в условиях двух мировых войн и краха европейских колониальных империй. Это обусловлено законами об общинной собственности, которых нет в распространившейся по всему миру системе англоязычных стран. Французские и немецкие расширенные семьи могут коллективно владеть капиталом и управлять семейными предприятиями средних размеров, у которых нет одного номинального владельца. Так складывается постоянная межпоколенческая собственность. Семьи не держат все яйца в одной корзине, а вместе работают с различными портфелями и получают доходы из разных источников. Так они создают внутреннюю

¹⁴ Речь идет о мировом финансово-экономическом кризисе, начавшемся в 2008 году. – *Примеч. пер.*

подушку безопасности друг для друга, которая защищает их в случае неожиданных потрясений.

Австралия могла бы приступить к защите своей экономики от депрессии, начав с введения законов и стимулов, касающихся собственности расширенных семей: бонусом стало бы облегчение бремени социальных расходов и сокращение безработицы. Если не очень понятно, как выглядит такая модель, можно нанять консультантов из азиатской общины в Австралии, которая, судя по всему, уже развивает неформальную экономику на основе моделей расширенной семьи. Или можно просто спросить одну из моих бабушек.

Да, я знаю, что эта глава вроде как посвящена физике, но, подобно тому, как нельзя отделить себя от наблюдаемой сферы, невозможно и отделить одну сферу от другой. Неважно, в какой сфере вы находитесь: природа – повсюду, и потому всё следует одним и тем же естественным законам, подчинено одной и той же физике. Ваше видение вселенной может отличаться от видения других, но все подчиняются одним и тем же законам.

Однако, судя по всему, между Первыми и Вторыми народами¹⁵ есть ключевое разногласие относительно природы реальности и базовых законов бытия. Закон Первых народов гласит, что ничто не создается и не разрушается, потому что между системами существуют бесконечные восстанавливающиеся связи. Поэтому время нелинейно, оно воссоздает

¹⁵ Первые и Вторые народы – аборигены и европейцы, соответственно.

бесконечные циклы творения. Согласно закону Вторых народов, системы должны быть изолированы и существовать в вакууме индивидуального творения; изначально они сложны, но затем упрощаются и постепенно уничтожаются. Соответственно, время линейно и у всего должны быть начало, середина и конец.

Открыл эту мысль Аристотель. По его мнению, телос (конец, конечная цель) – это принцип любых изменений. Довольно странное проклятие, которое исходит из иллюзии бесконечного роста, основанного на неизбежном упадке и уничтожении. Вторые народы и те, кто был ими покорен, должны безоговорочно верить в этот парадокс, который становится возможным лишь вследствие ложной установки «я больше тебя» и в рамках которого игнорируется Первый закон, а время воспринимается как прямая линия.

Тем не менее, оба-мы не можем обвинять в этом Аристотеля. Эта мысль уже присутствовала в виде основополагающего цивилизационного мифа об Уроборосе. Свернувшийся в кольцо змей, пожирающий собственный хвост, служил метафорой бесконечности, которая, однако, содержала в себе всё то же проклятие: как змея может быть символом бесконечности, если она в конечном итоге съест саму себя?

Я сочинил эту главу, пока вырезал **бунди** – палицу из акации. Хотя в моем клане ее называли бы **yuk puuyngk**, или Палка Закона. Я думал, что для Первых и Вторых народов это подходящий инструмент для исследования различных

законов времени и пространства. Я изучил законы термодинамики, побеседовал со Старейшинами и Перси Полом об этих вещах (а также с несколькими давно умершими белыми стариками), а затем заключил это знание в мои внутренние карты Большого Водораздельного хребта, который является телом Радужного змея. Кстати, ничего он не разделяет, а наоборот, соединяет системы вдоль длинной тропы песен. Параллелью служит Большой Барьерный риф – еще один змей, точнее, австралийский питон, представляющий собой вовсе не барьер для чего-то, а еще одну бесконечную соединяющую историю. Я путешествовал по этой тропе песен со Старейшинами и хранителями знания от Кабултура до острова Хинчинбрук. На таких тропах песен хранится Аборигенное знание, поэтому я сложил там эти данные – и вырезал их на палице в виде мнемокода, чтобы лучше их запомнить.

Вокруг наверху палицы я вырезал изображение уробороса как символа закона Вторых народов и второго закона термодинамики. Однако трехмерная природа палицы придает этому двумерному образу дополнительный смысл, истину, которая раскрывается, если прокатить ее по глине. Выстраиваясь в бесконечную процессию змей, от головы до хвоста, образ отражает закон Первых народов и первый закон термодинамики.

Согласно первому закону термодинамики, энергия не создается и не разрушается – она просто меняется и перемещается между системами. Второй закон термодинамики гла-

сит, что в сложных системах нарастает энтропия, или рассеивание энергии, в результате чего они разрушаются и порождают то, что физики называют «осью времени» – однако это происходит только в замкнутых системах. Возможно, в желании создавать замкнутые системы и помещать время на прямую линию и кроется объяснение навязчивой тяги Вторых народов к возведению заборов и стен, границ, больших водоразделов и больших барьеров. На самом деле, мы не живем в замкнутых системах – тогда зачем выбирать второй закон термодинамики для создания своей модели времени?

Когда оба-мы видим в небе эту дугу, Радужного змея, мы видим лишь его часть, и это субъективно: видно только нам. Если мы перемещаемся, радуга движется вслед, проявляясь только относительно нашего положения. Если вы заберетесь на ближайший холм, вы будете видеть ее с иной точки, чем я. С подобным феноменом столкнулись сестры луны – они охотились на отражение луны на поверхности ночного моря, принимая его за рыбу, которую можно поразить копьем. Но, подобно радуге, этот образ движется в зависимости от того, где находитесь вы, поэтому они так и не смогли ее поймать. Их тени, попавшие в ловушку, можно наблюдать на луне и по сей день – они служат предостережением тем, кто поддается иллюзии наблюдения с фиксированной точки.

Змей любит воду, потому что через нее мы можем его видеть, а он может общаться с каждым из нас. Но он не просто водное существо, он еще и существо света. Та часть, которую

мы видим во влажном небе или в мелких брызгах, слетающих с носа набирающей скорость лодки, представляет собой лишь линию на краю сферы. Эта линия проходит через множество сфер, которые бесконечно перекрывают друг друга, закручиваются в спирали, тянутся всюду, куда может дойти свет (или уже дошел, или дойдет), и Радужный змей перемещается по этой фототкани творения. Он проходит и под землей, потому что в прошлом свет был там, и линейное время его не ограничивает.

Да, но что он – волна или частица? На мой взгляд, это зависит от того, как на него смотреть, но мы увидели бы в нем волну, змею, потому что он постоянно движется сквозь системы, которые тоже постоянно движутся и переплетаются со всем, что было, есть и будет. В мире существует бесконечное число вариаций любых форм и размеров – змей, дракон, Урей – а также множество имен в различных странах, которые он носит, принимая форму духа тех мест. Он всегда был и будет, если только люди не заставят его есть собственный хвост.

Впрочем, я не могу разглядеть его как следует, потому что я дальтоник (по словам офтальмолога, всё дело в том, что я не «чистокровный» – якобы чем ты чернее, тем меньше вероятность, что будешь дальтоником). Я могу видеть Змея только как смутную, тонкую полосу в небе. Однако дальтонизм заставляет меня искать его в других местах, благодаря чему я нахожу знание там, где не чаял. Кроме того, я спосо-

бен разглядеть спрятавшуюся в траве змею, когда мы гуляем и разговариваем, так что это полезный дефект. Каждая точка зрения полезна, и для любой группы необходимо широкое разнообразие взглядов, чтобы ориентироваться в этой вселенной, не говоря уже о том, чтобы действовать в качестве ее хранителей. Я стою в овраге и вижу Радугу в одном месте; вы стоите на холме и видите ее в другом – и она посылает нам разные сообщения, которыми мы должны друг с другом делиться.

Мое субъективное видение Радужного змея помогает осознать проблемы с временными рамками, которым мы все вынуждены подчиняться (и ведь это из-за них я опаздываю на встречи и выстраиваю такие логические цепочки, за которыми трудно уследить). Предложенная физиками временная ось работает в условиях лабораторных экспериментов и представляет собой реальный, наблюдаемый феномен в замкнутых системах. Это подлинный закон. Но он не работает в применении к живым существам, живущим в открытых, взаимосвязанных системах. Это всё равно что проталкивать теорию, согласно которой экономика процветает, когда растут фондовые рынки: участники реального сектора экономики ответят на это, что курсы акций, конечно, взмывают ввысь, но нам всё равно нечего есть!

В избирательном применении разных законов и теорий заключена причина кризиса цивилизации, который предстоит пережить этой планете, пока мы не достигнем аристоте-

левского телоса, неизбежного конца. Эта метафора основана на обмане – согласно точке зрения аборигенов, именно так и работают проклятия. Вы берете часть системы (например, чьи-нибудь волосы) и видите в ней паттерн всей системы (например, тело, разум и душу этого человека). Потом вы пропевае­те ложный паттерн (например, что вы умираете) и внедряете его в целое через эту часть, усиливая ее посредством другой системы, находящейся в постоянном движении (например, проточной воды). Проклятие – это обман, ставший реальностью, будь то откровенная ложь или подлинный закон или паттерн, примененные в чуждых им условиях. Это похоже на компьютерный вирус, на коварный код, который обрушивает всю систему. К такому же результату приводит применение второго закона термодинамики к открытым взаимосвязанным системам. Это проклятие.

Чтобы рассмотреть кризис цивилизации в этом ключе, мы прежде всего должны определить, чем является цивилизация с точки зрения Закона Первых народов. Многие определяют ее как культуру, которая создает знания, технологии, законы и искусства, однако то же самое можно сказать о любом сообществе в мире. Аборигены на это часто отвечают: «У нас тоже всё это было, значит, цивилизация была и у нас!» Но цивилизация – это что-то еще. Деревня, община скотоводов или племя кочующее в течение года по своим родовым владениям, не являются цивилизациями, поскольку цивилизации строят города. Ваканда в комиксах о Черной пан-

тере от Marvel – это африканская цивилизация, потому что она строит города. В реальном мире древние народы Зимбабве, некогда строившие каменные города, жили в рамках цивилизации до тех пор, пока та не рухнула. Ее нельзя считать аборигенной культурой на том лишь основании, что ее создатели были темнокожими. Цивилизации – это культуры, создающие города, общины, пожирающие всё вокруг себя, а затем и себя самих. Они не могут быть аборигенными до тех пор, пока не откажутся от культуры строительства городов – такой урок извлекли Старейшины Зимбабве из своего горького опыта прошедших эпох.

Город – это община на оси времени, на восходящей оси, требующей постоянного роста. Рост – это двигатель города; если он прекратится, город обречен. Из-за этого местные ресурсы быстро исчерпываются и земли вокруг города умирают. Сначала гибнет биота, потом уничтожается верхний слой почвы, затем уходит вода. Неслучайно большая часть руин древнейших мировых цивилизаций сегодня расположена в пустынях. Раньше там пустынь не было. Сам город говорит, что он – замкнутая система, которая требует вечного роста, но при этом должна прийти в упадок, чтобы время продолжало идти по прямой. Это означает, что город должен стремиться обеспечивать свой распад за счет внешних источников как можно дольше.

По этой причине город зависит от импорта ресурсов из взаимосвязанных систем, расположенных за его пределами.

Город помещает себя в центр этих систем и обчищает их, чтобы подпитывать свой рост, нарушая при этом циклы времени, земли, погоды, воды и экологического обмена между системами. Теперь обмен становится однонаправленным. В этой реакции материя и энергия не создаются и не уничтожаются, они направляются в статичные нагромождения, а не обращаются циклически между системами и внутри них.

Всё возрастающий ущерб от городов требует всё большего расширения инфраструктуры и роста населения. Для этого города злоупотребляют такими законами, как спрос и предложение: для обеспечения экономического роста спрос должен превышать предложение. Грубо говоря, это означает, что должно быть больше людей, нуждающихся в товарах и услугах первой необходимости, чем самих товаров и услуг, способных удовлетворить их нужды. Иными словами, должно быть много людей, у которых нет необходимых вещей, чтобы экономика могла расти или чтобы у вещей была какая-то ценность. Если рост идет по экспоненте, по экспоненте идет и количество нуждающихся людей. Тут невозможно достичь равновесия.

Беспорядки, которые могут устроить эти отчаявшиеся массы, нужно предотвращать при помощи хлеба и зрелищ, футбола и фейсбука. Людей нужно разобщить, чтобы они не поддерживали друг друга в рамках общин или расширенных семей – в противном случае объем спроса сократится. И главное – они должны плодиться, как кролики, тогда вы

можете быть уверены, что единственным их активом будет потенциальная энергия их детей.

Не думаю, что большинство людей разделяют мое определение устойчивого развития. Я слушаю, как они рассуждают об устойчивом стремительном росте, не обращая внимания на тот факт, что большая часть верхнего, то есть плодородного, слоя почвы в мире сегодня находится на дне моря. Трудно говорить с людьми о невозможной физике цивилизации, особенно если ты – абориген: ты изображаешь самого себя, демонстрируешь свою раскраску и перья – эти милые кусочки твоей культуры, и рассказываешь о своей особой связи с землей, пока люди смотрят на тебя через стекло музейной витрины, но при этом не предполагается, что ты можешь оглядываться вокруг или описывать то, что видишь.

Однако Первый закон никуда не девается. Мы должны обладать достаточной смелостью, чтобы применять его к нашей реальности бесконечно взаимосвязанных, самоорганизующихся и самообновляющихся систем. Мы – хранители этой реальности, и ось времени – не та модель, на основе которой могут действовать хранители. Когда я думаю обо всех бабушках, племянницах и сестрах, то задаюсь вопросом, не пошел ли я по неправильному пути со всеми этими туннелями, отрицательными частицами и другими примерами из физики? Женщины и так прекрасно со всем справляются и поддерживают движение систем творения при помощи родственных связей. И их мало что беспокоит, разве что какой

еще бардак я здесь устрою. Возможно, они осознали следующее. В жизненном мире, где твои правнуки становятся твоими родителями, ты крайне заинтересован в том, чтобы вместе с другими создавать стабильную систему и гарантировать хоть немного межпоколенческой справедливости. Поэтому в минуты тишины мне нравится просто сидеть на природе в уютных объятиях этого женского духа созидания. Я всё еще слышу, как подъезжают бульдозеры, и уже не слышу лягушек. Зато я вижу цветы.

Навеки ограниченный

Теперь оба-мы вкратце рассмотрим конец света и границы понятия «навеки» через некоторые нелинейные мысли о Санта-Клаусе, флагах, расистских иллюзиях, картах, мемах и рыбацких бумерангах. Начнем мы, как всегда, с беседы.

Я сижу с двумя саамскими женщинами. Саамы живут рядом с Северным полюсом и обладают священной тотемной связью со стадами северных оленей, которых они разводят до сих пор на арктической земле, где живут уже тысячи лет. Они по-прежнему связаны с этой землей, на которую претендуют такие временные современные государства, как Финляндия, Швеция, Норвегия и Россия. Они переворачивают мой мир с ног наголову.

Они носят современную одежду, а их произношение с непривычки кажется мне нордическим. У них желтые волосы и розовые щеки. Но, несмотря на то что открывается моему взору, ничто во мне не может признать в них «белых». Сидя с ними, я испытываю то же чувство, что и когда сижу с тетушками из моей собственной общины. Тот же порядок (pattern) рассуждений, бытия, взаимосвязанности. Их манера общения со мной, словно зеркало, отражает мою манеру общения с другими коренными народами. Но они – старшие хранители знания в своей общине, а я просто молодой пацан, который пытается найти свое место в мире. Возможно, у ме-

ня кожа темнее, чем у этих дам, но они в десять раз чернее меня.

Когда наша беседа подходит к концу, я обнаруживаю, что термин «белый» теряет свое значение в моей лексике. В моей общине мы для удобства каждый день используем слова «черный» и «белый», описывая отношения между захватчиками и покоренными, но они совершенно не годятся для описания наших сегодняшних реалий, особенно в многокультурном, международном контексте.

В мире, где черные африканские колонисты захватывают земли, традиционно принадлежавшие светлокожим охотникам немади, где кельты борются с английским господством, а баски в Испании и коряки в России пытаются сохранить свои древние земли и языки, где в любой стране представители разных диаспор уже много поколений производят на свет детей всех цветов и оттенков, белый и черный становятся слишком узкой парадигмой для понимания аборигенного опыта. Его в принципе трудно определить как обособленную реальность в условиях, когда неаборигенные общины мира были (относительно) недавно вытеснены с их исконных территорий, переселились в большие и малые города и стали там подпитывать спрос своим трудом.

Трудно описывать колебания и паттерны глобальных систем доминирования, когда нас ограничивает лексикон XIX века, в основе которого лежат понятия расы и колониализма. У австралийцев прежние туманные расовые оппозиции вы-

зывают всё большую тревогу – их всё труднее обнаружить в цветном континууме жертв и угнетателей. Стремясь к экономическому равенству, «цветные» тоже принимают участие в эксплуатации аборигенной земли и ресурсов; их охотно включают в советы директоров, если они разделяют ценности и идентичность поселенцев. Индийская компания запускает проект по добыче угля в Квинсленде, уничтожающий аборигенные земли и водоемы, а фермеры, прежде выступавшие против Закона о земельном титуле коренных народов, теперь протестуют вместе с Традиционными собственниками. Афроамериканские гости обижаются, когда обнаруживают, что в центрах по изучению аборигенов при наших университетах мы обозначаем себя термином «черные», хотя многим из нас вряд ли удастся наскрести достаточно меланина, чтобы напугать таксиста.

Саамские женщины, с которыми я беседую, не могут использовать архаичный эвфемизм «белые» для обозначения людей, которые размещают на их землях стартовые площадки для запуска космических ракет, бурят нефтяные скважины в священных для них местах, убивают их оленей, язык и стариков и отравляют или запруживают их реки. Как называть этих преступников? Виновны ли в этом определенные культурные группы? Или отдельные лица?

Какая группа или лицо могли бы взять на себя ответственность за то, что в рождественские дни Запад присваивает себе саамскую культуру самым варварским способом? В нача-

ле прошлого века их шаманы щедро поделились с чужаками некоторыми духовными практиками, связанными с употреблением мухоморов в это время года, только чтобы те украли элементы этих ритуалов и включили их в европейскую культуру самым кощунственным образом.

Сорванные с них традиционные островерхие шляпы водрузили на проказливых эльфов. Жилище Санта-Клауса было перенесено из Голландии на Северный полюс, а самому Санте приписали практику саамских шаманов заходить в дом через печную трубу (чтобы оставить хозяевам психотропные грибы). Цвета его костюма были изменены так, чтобы больше походило на красно-белые саамские мухоморы. Затем он забрал себе оленей, дал им дурацкие имена и, распространив свою праздничную империю на весь мир, стал использовать их как тягловую силу. Если бы у саамского апокалипсиса был саундтрек, это была бы песня *Jingle Bells*.

Можно ли обвинять стареющего грузного «белого» мужчину в этой краже культуры? Можно ли обвинять всех толстых белых стариков? Возможно, нам стоит допустить вероятность того, что за разрушением земель и культур по всему миру стоит нечто большее, чем просто отдельные люди, которые решают, какую роль им играть – героя, негодяя или жертвы. Возможно, эти ярлыки уже не навесишь даже на этнические группы.

Когда я заканчиваю беседу с саамками, в лексике, которую я использую для описания моего мира, зияет огромная

дыра. Слова, которые моя община получила от языка оккупантов для описания расовых характеристик нашей реальности, заслонили от нас истинную природу этой реальности. Мы обозначаем жертв и преступников при помощи цветового кода, который скрывает те силы и регулярности (patterns), что действительно причиняют нам вред. Левым глазом мы смотрим на этнические группы, правым – на отдельных лиц, и в результате оказываемся слепы ко всему остальному. Мы не видим потоки власти и контроля в мире, системное перекачивание ресурсов с юга на север. В наших лобных долях запечатлелась иллюзия времени и пространства, ложная мировая карта мест и народов.

У нас, аборигенов, всегда были свои способы размечать время/место. Возможно, чтобы заполнить дыру, оставшуюся в моем мировоззрении после общения с саамками, мне нужно еще раз взглянуть на наши карты и применить их паттерны ко всему миру, а не только к нашим местам. Оба-мы можем взглянуть на карту, начерченную Стариком Джумой на песке: всмотритесь в эти образы (patterns), и вы увидите, что они помогают нам распознать неустойчивые регулярности и силы, угрожающие всему нашему существованию.



Это одновременно и карта, и своего рода компас, который, впрочем, не ориентируется на северный

магнитный полюс. Здесь направление по старинке динамично, оно зависит от сезонного движения солнца, которое вы наблюдаете со своей позиции, оттуда, где вы стоите, идете или сидите у костра.

В аборигенных языках время и место обычно обозначаются одним и тем же словом – они неразделимы. В центре компаса расположена точка столкновения в момент или в месте творения; она и другие точки представляют собой семь семей духов и их священные места.

Первый мужчина и первая женщина находятся на востоке и на западе; на изображении показаны линии их путешествий, когда они, перемещаясь по Стране, создают разные родственные группы и места. Линии путешествий внутри дуг символа принимают форму каноэ первого мужчины. Линии путешествий по внешним дугам показывают, как он гребет, чтобы повернуть свое каноэ вслед за солнцем; это делает стороны света более динамичными, чем в современной магнитной версии. Этого должно хватить, чтобы вас запутать. «Что? Север – это не фиксированная магнитная точка? Восток может быть Севером? Он меняется в зависимости от времени года?» Рекомендую снисходительно отнестись к этому допущению, иначе вам придется взять на работе пару дней за свой счет, чтобы прилечь и перезапустить мозги. Похоже, в этот

конкретный момент разговоров на песке со многими именно это и происходит.

Всё усложняется, когда Старик говорит, что такое восприятие символа представляет собой перевернутое изображение, которое вы можете правильно рассмотреть, только если отправите свой разум под землю и посмотрите на него снизу.

Вместе все линии на карте разговоров на песке отражают форму Австралийского континента, который представляет собой перевернутый вариант всем нам известной версии Меркатора. Во многих западных языках, в том числе языках Ближнего Востока, маори и аборигенов, север находится внизу, а юг наверху. Таким было расположение и на ранних картах, пока европейцы не начали строить свои империи и не перевернули карты, чтобы поместить себя наверху. Кроме того, они растянули верхнюю часть карты, чтобы их страны казались больше, поэтому экватор изображается ниже, чем на самом деле, а небольшая Гренландия кажется целым континентом. Если не верите, возьмите любую карту и посмотрите, где на ней изображен экватор. Он проходит не по центру, а под ним. На карте Старика Джумы Тасмания находится наверху мира и выглядит намного больше.

Я решил побеседовать кое-с-кем, кто родился на этой вер-

шине мира, – с тасманийской аборигенной мыслительницей по имени Лорен (также известной как Блэки). Она вместе со своей женщиной живет в Сиднее и работает над диссертацией. Блэки интересно пишет о развитии и о том, как оно переплетается с аборигенными реалиями. Год назад я вырезал рыбацкий бумеранг из чайного дерева и подарил ей. На бумеранге представлены карты времени и места Старика Джумы, а также некоторые изображения муравья и бабочки из танца, над которым мы когда-то вместе работали. Рыбацкий бумеранг – это редкое оружие из Западной Австралии, о котором мало кто слышал.

Я получил разрешение вырезать такие бумеранги несколько лет назад и изготовил их великое множество. Они не похожи на обычные бумеранги: размером – с вытянутую руку, а формой напоминают угловатую запятовую с острым концом. Старик Джума называет их ниндзя-звездами блэк-фелла¹⁶. Они летят очень быстро, рассекают воду и поражают рыбу. При правильном изготовлении угол оружия помогает оценить, где на самом деле находится рыба, а не где ее видно в преломленном водой свете. Из использования этих бумерангов можно извлечь хорошие уроки об иллюзиях, перспективах и реалиях.

Изначально их изготавливали из твердой древесины, затем – из кровельного железа, когда оно появилось в стране

¹⁶ Англ. blackfella, от blackfellow – букв. черный парень; сленговое выражение, которым австралийские аборигены иногда называют самих себя.

в прошлом веке. Мне кажется, это многофункциональное, легко приспособляемое орудие идеально подходит, чтобы выразить нечеткие комплексы идей о времени и направлении, которые довольно трудно поймать в устной культуре, не говоря уже о культуре письменной.

Этот маленький, но смертоносный бумеранг я подарил Блэки, чтобы она могла носить его в сумочке для самозащиты, ведь статистика гласит, что аборигенной женщине небезопасно гулять по ночному городу.

Недавно я спросил Блэки, на какие мысли ее натолкнуло ношение бумеранга в сумке на протяжении года. Она ответила:

Когда закрываешь рукой один глаз, а потом другой, всё взлетает, хлопая крыльями, как бабочка. Меняет направление в зависимости от того, каким глазом смотришь. Весь символ поднимается от взмахов сильных крыльев, создающих восходящие потоки, которые расходятся по всей истории. Я полагаю, это часть трансформации. Когда мы сталкиваемся с народами, стремящимися к (не)ограниченному росту, нам просто нужно поймать импульс этих крыльев и взлететь ко всем чертям. Оторваться от их неустойчивых систем. Обычно говорят, что эти их модели не привязаны к месту, что они универсальны, но при этом часто упускают из виду пространство. Но мы, как носители идеи сопротивления, должны помнить о пространстве. Я думаю, что сейчас идет такое бурное

возрождение всего, что связано с пространством, что даже блэкфелла упускают из вида космос, время, движение, измерение.

Блэки говорит об антиколониальных движениях, которые настолько рьяно отрицали западные системы мышления, что слишком сосредоточились на формах познания, а не бытия, в результате чего Аборигенное знание оказалось в плену теории, перестав быть частью повседневной жизни. С другой стороны, недавно появившаяся одержимость «онтологией» качнула маятник в обратную сторону, и теперь люди ищут аутентичные, но при этом уникальные и индивидуально окрашенные основы для того традиционного знания, о котором они рассказывают в различных СМИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.